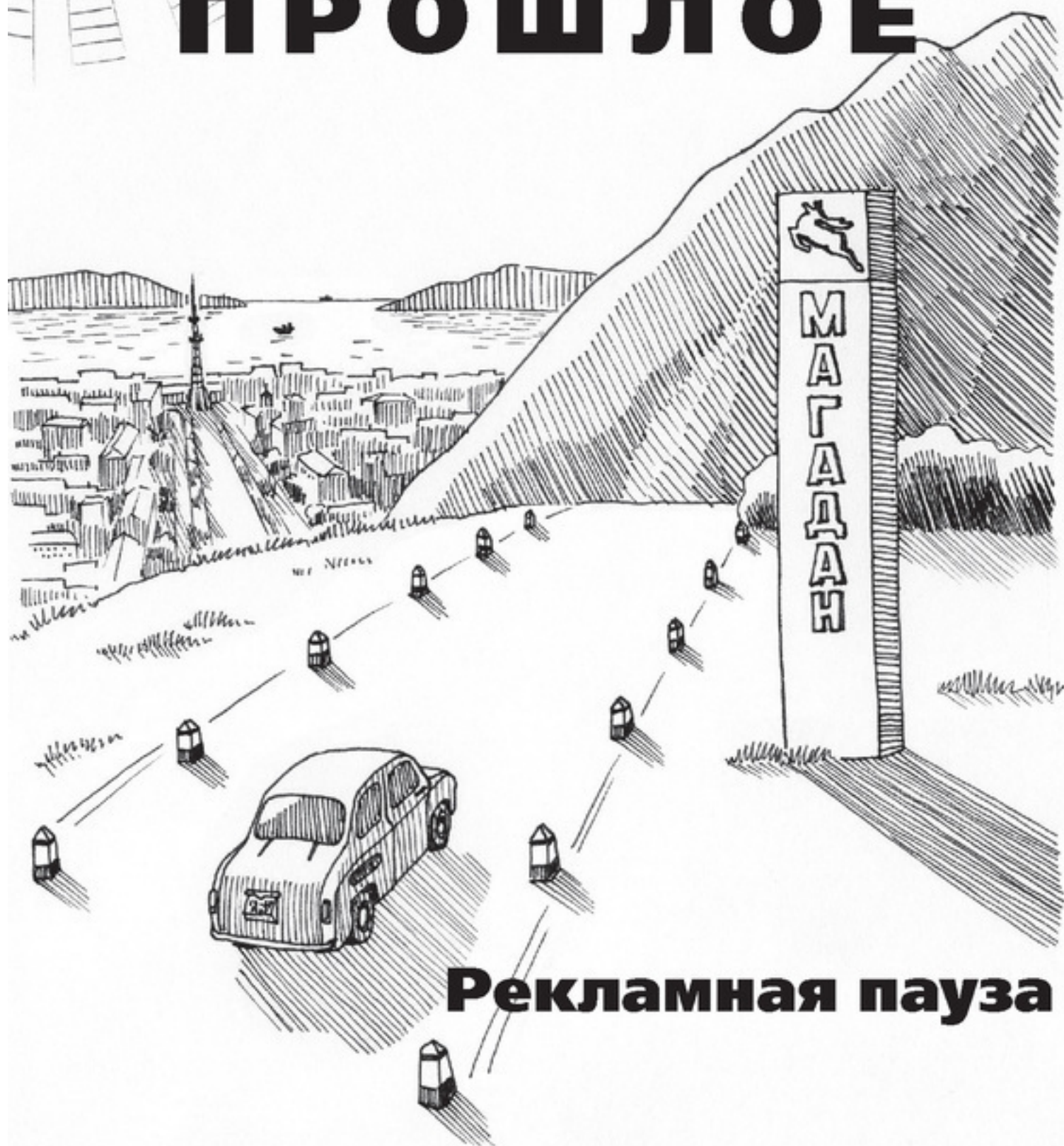

А р т ё м Б о ч а р о в

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ

Рекламная пауза

Настоящее прошлое

Артем Бочаров

Рекламная пауза (сборник)

«Грифон»

2010

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Бочаров А.

Рекламная пауза (сборник) / А. Бочаров — «Грифон»,
2010 — (Настоящее прошлое)

«Рекламная пауза» – уже вторая книга из серии «Настоящее прошлое». Рассказы Артёма Бочарова – это свидетельства очевидца, наблюдательного, ироничного, сильного – и в то же время очень доброго человека, способного разглядеть за мелкими бытовыми реалиями то прекрасное, ради чего и стоит жить. Автор сохраняет для потомков неповторимые черты советского времени, дорогие и близкие (а иногда и наоборот!) для тех, кто был «сделан в СССР». Что такое настоящее прошлое? У каждого из читателей есть свой ответ на этот непростой вопрос. Возможно, это именно то, о чём пишет Артём, – просто жизнь, такая, какая она есть, со всеми её радостями и горестями. Эпоха, которая завершилась на наших глазах, уже становится легендой... Можно вспоминать только плохое, можно – только хорошее. У каждого – свой выбор. Выбор Артёма Бочарова – хорошая, крепкая, по-настоящему мужская проза человека, многое повидавшего – и при этом не потерявшего оптимизма и чувства юмора. Что и говорить – магаданская закалка! Для самого широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

© Бочаров А., 2010
© Грифон, 2010

Содержание

На брудершафт	6
День радио	10
Дарить людям радость...	15
На рельсах	17
Подарок	18
Снова на рельсах	21
Комсомол ответил: «Есть!»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Артём Бочаров

Рекламная пауза

© Грифон, 2010

© Бочаров А., автор, 2010

© Е. Абросимова, Б. Дзгоев, оформление, 2010

* * *

*Маме, жене, сестре, дочке, невестке, внучке...
Всем женщинам России.*

На брудершафт

После Армани и Талона «Пазик» с нашей культбригадой заехал в Балаганное.

Здесь, как и в некоторых других посёлках Магаданской области, студенты копали картошку. Вернее, своими прицепными комбайнами выкорчёвывали её трактора «Беларусь», а представители интеллигентной молодёжи в белых «хэбэшных» перчатках собирали клубни в вёдра, потом ссыпали их в мешки, которые, крепко завязав, укладывали в кузова грузовиков. Машины с раздувшимися бортами одна за другой тяжело катили с поля на сортировку.

Студенты не только собирали, ссыпали, грузили, но и весь сентябрь пели, пили, влюблялись, гуляли парами до утра. Одно нисколько не мешало другому, а только лишь дополняло, делало жизнь насыщеннее и веселее. Несколько раз в неделю по вечерам устраивались танцы, где парни под ритмичный аккомпанемент «Чингисхана» и «Бони М», случалось, дрались с местными. Потом мирились, и под портвешок или самогон вместе обсуждали девчонок. Доставалось всем без разбору – и своим, и деревенским. Сальные комментарии сопровождались наигранным брутальным ржанием десятка-двух молодых здоровых балбесов. Но звучали первые аккорды медляка, и компания рассыпалась по залу. Обнимая в танце объекты недавних острот, все без исключения, даже местные работяги-трактористы, из нарочито вульгарных мужланов превращались в галантных и предупредительных кавалеров.

Обычно танцы проходили под магнитофон, но случалось, что и под аккомпанемент местного ВИА. Но уж лучше было с магнитофоном! На кассетах инструменты настроены, голоса не фальшивят, репертуар удобопонятный...

Городской отдел культуры направлял в районы сельхозработ свои бригады, несущие искусство в массы. К одной из таких бригад прикрепили и наш бэнд – дарить людям радость, танцы для них играть. Хмельницкий, Крицин, Попов и я восприняли весть об участии в культпробеге с энтузиазмом. А что? Сменить обстановку, развеяться, отдохнуть от города. Почти всюду, где предстояло работать, у нас были друзья, девчонки знакомые, а главное – там было много симпатичных девушек, с которыми нам только предстояло познакомиться.

В пятницу мы отыграли в Армани, в субботу – на Талоне.

В Балаганное мы прибыли в воскресенье, ближе к обеду. Одновременно с нами, только с другой стороны – из Магадана, туда въехала фура с пивом. Благая весть покатила по селу с резвой скоростью велосипеда, радуя всех – и местных жителей, и редких гостей старинного казачьего села.

Аппаратуру и инструменты мы настроили быстро. Времени до работы было ещё предостаточно, на улице ярко светило солнышко. Не то чтобы оно палило, но светило не по-осеннему вызывающе. Опять же, фура с пивом приехала... Как ни крути, всё сводилось к одному.

Минут через двадцать наша четвёрка сидела на лавочке возле сельского Дома культуры. Сидели мы не просто так, не праздно, а с удовольствием дули дорогое горькое «Исетское». Неподаляку от лавочки, в тенёчке, в деревянном ящике дожидались своей очереди рядки стройных бутылок с оранжевыми ярлычками на длинных горлышках. Пустая тара возвращалась обратно в ящик, рядом сразу пустели ещё четыре ячейки.

После второй мы уже не сидели, а полулежали на скамейке, вяло курили и лениво обозначали беседу. Говорили обо всём и ни о чём. Об инструментах, струнах, микрофонах и аппаратах, о разнице во вкусе и деньгах между «Исетским» и «Жигулёвским», о девчонках, о недавно прошедшем чемпионате мира в Испании...

– Хорошо! – вдруг бодро выдал Крицин, прервав вялотекущий разговор. Алексей покрутил головой, глядя на нас, и явно ожидая поддержки. – А?

Действительно – музыка, футбол, девчонки – всё это так здорово!..

– Не то слово!.. – Попов хлебнул «Исетского», глянул на солнышко, зажмурился, и в три слога почти пропел непечатное словечко, вполне созвучный синоним популярному «Зашибись!» И так это было произнесено вкусно и к месту, что Хмельницкий, Крицин и я только заулыбались, согласно закивали, безоговорочно поддерживая и дружно одобряя:

– Да-а...

Но всё когда-нибудь заканчивается. А если это ещё и что-то очень хорошее, то оно обязательно заканчивается намного быстрее, чем всё остальное. Солнце почти упало за сопку, отбрасывающую тень на всё Балаганное. Стало прохладно, закончилось пиво, у клуба собиралась молодёжь.

Лениво, конечно, но надо и поработать.

Мы гуськом двинули по хорошо изученному за время отдыха маршруту. До заветной цели оставалось несколько метров, когда к нам подлетела ведущая вечера Света и выдернула из дружного рядка Хмельницкого. Что-то ей там нужно прорепетировать, а без аккомпанемента – никак! Саша попытался объяснить Свете:

– Да мне вот нужно... – Хмельницкий показал на нас, твёрдо держащих свой курс к уборной. – Я сейчас это... И сразу приду!

– Потом-потом! – Света потащила клавишника на сцену.

Мы с Поповым и Крициным, вполне довольные жизнью, стояли на крыльце, курили. Кокетничали с девчонками, шутили, смеялись. Из танцевального зала доносились звуки нашей двухрядной «Вермоны». Света вовсю разогревала народ конкурсами, Саша обеспечивал музыкальную поддержку мероприятия. Неожиданно ведущая фурией вылетела на крыльцо:

– Мальчики, работаем!

Хлопает в ладоши – раз-два-три!

– Работаем!

И снова – в ладоши.

Школа!

Хмельницкий нам сразу не понравился. Волосы взлохмачены, глаза блестят, нездоровый румянец на щеках, а на губах – улыбка. Нехорошая такая улыбочка, болезненная.

Взяли мы с Олегом гитары, Лёха за барабаны присел, палочками дал счёт. Грянули! Народ, заждавшийся музыки, сразу пустился в пляс.

Спели одну песню, вторую. Третью Попов предложил спеть Хмельницкому. Александр только головой покрутил – нет! Мы даже не стали спрашивать – а почему это вдруг?! Очень уж категорично Саша крутил своей взлохмаченной башкой с шальными глазами и совершенно идиотской улыбкой.

Ещё через пару-тройку песен Света объявляет перерыв для проведения оставшихся по сценарию конкурсов и опять просит Хмельницкого подыграть ей.

– Нет! – почти кричит Александр. Показывает на Попова:

– Он тоже может! – и бегом со сцены в ближайшую дверь. Мы с Крициным в недоумении – за ним.

Хмельницкий на полусогнутых ногах метался по комнате-аппендициту – без окон, с одной дверью – и судорожно искал что-то. Обеими руками он крепко обхватил район молнии на джинсах.

Теперь причина Сашиной лихорадки стала понятна.

– А что ж ты в сортир не пошёл? – я в недоумении развёл руки.

– Не донесу... – выдавал дикий степ Саша. – Уже...

Мы с Алексеем переглянулись – надо что-то делать, вон ведь как человека согнуло!

– У-у-у! – гудел наш товарищ и густо сыпал матами. Досталось всем – и Балаганному, и пиву, и нам почему-то, но больше всего – ведущей Свете.

Крицин увидел на заваленном всяким хламом столе пустую бутылку.

– Саня, давай сюда! – Лёха быстро поднёс бутылку туда, куда надо.

Хмельницкий чуть не плача, потянул молнию на джинсах вниз:

– Да как я – туда?! Она же маленькая!

– Кто? – не понял Алексей.

– Бутылка! – высоко крикнул Хмельницкий и добавил короткое, но ёмкое слово на ту же букву, что и бутылка. – Горлышко у неё вон какое!.. Это же не из-под кефира.

– Кефир здесь не пьют, – совершенно не к месту ляпнул я. Действительно, вот к чему это?

– Саня, я знаю как надо! – Решительность Алексея гипнотически подействовала на страдающего. Он полностью доверился Крицину.

Начали!

Я стоял у двери, чтобы никто не помешал процессу.

Парни склонили головы, аккуратно приспособивая там всё как надо. На фоне доносящейся из зала «Барыни» и всеобщего веселья, здесь было подчёркнуто серьёзно и ответственно:

– Вот так...

– Ага!

– Чтобы прямо туда... И придерживать надо сверху.

– Ага, держу.

– Только не сразу, по чуть-чуть... Давай!

Через пару секунд Хмельницкий снова загудел:

– У-у-у!..

Это «у» принципиально отличалось от предыдущего. Сейчас это «у» звучало как наивысший восторг, запредельное наслаждение. Человеку на глазах становилось лучше. Ещё через несколько мгновений Саша, улыбаясь, подтвердил наши предположения:

– С-с-у-ка-а!..

Лёха внимательно контролировал процесс, склонившись над живописным ансамблем из двух предметов, словно хирург на операции.

Всё!

Хмельницкий стоял посреди комнатки с бутылкой в руке и блаженно улыбался. Сейчас он олицетворял собой абсолютное счастье. Мне вспомнился праздник Нового года в далёком детстве, когда у ёлки ты получал в подарок от Деда Мороза именно то, о чём давно мечтал.

Резко распахнулась дверь и в комнату, хлопая в ладоши, влетела Света:

– Работаем, мальчики, ра-бо-та-ем!

Рука с бутылкой, спрятанная за спиной, не ускользнула от всевидящего матёрого массовика-затейника.

– Ага, вот оно что, – догадалась Света. – Дело хорошее, сейчас уже можно по маленькой. И я с вами за компанию.

– Да нет... – опять закрутил башкой Хмельницкий. К его лицу опять приклеилась глуповатая улыбка.

Света, пошарив рукой под ворохом афиш, извлекла оттуда пару грязных стаканов.

– У нас и фужеры есть под это дело!

– Это не то, – слабо аргументировал Александр.

– А я всё пью! – отрезала Света. – У нас тут в деревне чего только не наливают!

И засмеялась, весело так, заразительно. Мы с Крициным тоже захихикали.

– Такое не наливают, – Саша был непреклонен.

Света посмотрела на него строго:

– Тебе жалко, что ли?!

– Нет, не жалко. Только это...

Ведущая вечера поставила стаканы на неухоженный столик.

- Наливай! – Подмигнула Хмельницкому и добавила:
- Давай-ка с тобой на брудершафт выпьем!

Мы с Лёхой, лопаюсь от смеха, выскочили из комнаты и только здесь дали волю своим эмоциям. Нас согнуло пополам, и потом ещё долго не разгибалось. Те звуки, которые мы издавали, вряд ли можно было назвать смехом. Стон, рёв, ржание, похрюкивание и повизгивание – весь этот синтез мы выдавали почти одновременно. Лица покраснели, из глаз лились слёзы. Мы их как могли утирали, они катились вновь. Попов и отдыхающие молча смотрели на нас. Интересно, о чём они думали?

Вскоре из каморки появились Саша со Светой. Он, весь красный, нервно посмеивался, поглаживая усы, а она по-доброму улыбнулась нам и подмигнула:

- Ничего, бывает!
- Хлопнула в ладоши – раз-два-три:
- Работаем, мальчики!

С Хмельницким мы играли потом ещё года два. Отмечали вместе праздники, дни рождения. Иногда после работы или репетиции мы могли задержаться под душевную беседу за бутылочкой-другой. И Саша, конечно, сживал с нами.

Бывало, могли и пивком побаловаться под вкусную рыбку. Вот только в этих посиделках я Хмельницкого что-то не припомню.

День радио

Никогда не работал с девяти до шести, с часу до двух – перерыв на обед.

Где бы я не трудился, рабочий день у меня всегда был ненормированным. Мог отработать меньше восьми часов, положенных КЗОТом, мог больше, но главное ведь не в том – сколько. Главное, чтобы работа была сделана, а с девяти до шести – и всё тут! – звучит как суровый приговор.

Любая теория хороша, когда она хоть немного подкреплена делами практическими. Вот и мне, натуре неусидчивой, постоянно рвущейся куда-то, разок выпал случай – испытать на себе, каково это – «от звонка до звонка».

С детства люблю радио.

Многие годы у меня «служебный роман» с телевидением, но радио, пожалуй, люблю больше. Может, оттого, что это первая любовь, да какая!

Голос Николая Литвинова в его сказках на ночь завораживал настолько, что даже самые беспокойные дети, услышав «Здравствуй, дружок!..», сразу успокаивались, поудобнее устраивались у простеньких приёмников с одной ручкой громкости, и, чуть дыша, слушали, слушали, слушали...

Чуть позже мне уже были интересны новости спорта с Олимпийских игр в Мюнхене с Наумом Дымарским, трансляции игр чемпионатов мира по футболу с незабываемыми Николаем Озеровым и Котэ Махарадзе.

Спустя годы в далёком Омсукчане я уже сам читал в эфире новости спорта, а для местного радио записал позывные, которые долго потом ещё крутили. Юные трубачи моего духового оркестра довольно стройно вывели на четыре голоса тему известной в тех краях песни: «Колыма ты, Колыма, чудная планета!..».

А потом настала эра ТВ.

Конечно, телевидение пришло в мою жизнь значительно раньше, но «потом» означает то, что я встал по другую сторону экрана. Вдвоём с талантливым видеооператором Толей Михайловым мы делали разные программы, вели всякие рубрики, поднаторели в производстве рекламы. Получалось весьма неплохо.

Ещё спустя несколько лет поступило приглашение от первой в Магадане FM-радиостанции, от которого отказываться не хотелось. Радио – это же первая любовь!

Своим временем я распоряжался сам, проблем с совмещением не было никаких. А получится или нет, вопросов не возникало ни у кого – ни у меня, ни у приглашавших. Если в кадре всё как надо, то почему вдруг на радио – нет?!

Да легко!..

В девять утра я уже был на своём новом рабочем месте.

– Смотри, что да как, осваивайся потихоньку, – вводил меня в курс дела начальник ФМ-станции Саша Лыткин. – Готовься к эфиру, часик дадим тебе для начала.

– Когда эфир? – загорелся я.

– В два, – потушил меня Лыткин, и, сославшись на занятость, исчез.

За окном с трудом пробивало себе право на жизнь зимнее магаданское утро. Настроение быстро портилось. Вот что здесь целых пять часов делать?!

Но делать что-то надо...

Я достал принесённые из дома диски, выбрал хороших песен примерно на час и набросал простенькие подводки к ним. Времени это заняло немного. Что дальше?

Следуя совету руководства, прогулялся по кабинетам радиостанции. Смотрел, что там да как, «осваивался», отвлекая отдел занятых людей.

Вернулся на место, сел.

Похоже, часы в кабинете дышали на ладан – шевелились еле-еле, а секундная стрелка на новый круг заходила немного медленнее, чем минутой ранее.

Тут я вдруг вспомнил про необходимые формальности и с радостью пошёл искать отдел кадров – трудовую книжку сдавать да анкеты заполнять всякие. Всё же дело какое-то!

Но и здесь надолго меня не задержали. Сдал, заполнил.

Дальше что?..

Может, позвонить кому-нибудь? Мысль, конечно, неплохая, только вот кому звонить?! Все нормальные люди ещё спят.

В приоткрытую дверь заглянул мой руководитель:

– Осваиваешься?

И, не дожидаясь ответа:

– Хорошо!

Дверь негромко закрылась.

А был ли Саша?

Мог я себе представить, что когда-нибудь, убивая время, буду просто сидеть и смотреть в окно? Нет, понятно, можно по-разному бездарно транжирить свою жизнь – валяться на диване с современным чтивом, листать туда-сюда неинтересные телевизионные программы, горькую ещё можно пить. Но чтобы вот так сидеть и тупо таращиться в окно?! Однако ж, сижу и таращусь! А на что, собственно? Что там интересного можно увидеть? Серое низкое небо, серые коробки пятиэтажных хрущоб, редкие серые пешеходы, подгоняемые серой метелью. Короче, Стивен Кинг отдыхает!

Пошёл, ещё кружок по кабинетам нарезал – опять «смотрел и осваивался». Из второго променада извлёк немного выгоды – насобирал кипу старых журналов. Листал я эту макулатуру и сам себя уговаривал – во всём можно найти что-нибудь полезное!

Выжатый, как лимон, от ничегонеделания, совершенно опустошённый, безо всякого энтузиазма и настроения, за минуту до эфира я сел в кресло ведущего. Надел гарнитуру, прослушал заставку и поприветствовал аудиторию. Так же, как делал всегда на ТВ:

– Здравствуйте, все!

Бумажки с подводками затерялись в кипе пролистных журналов, поэтому работать пришлось с листа, то есть на самую что ни на есть шару. Я выхватил из кучи си-ди несколько дисков, вокруг которых и крутился потом целый час.

Открыл парой песен из «По волне моей памяти» Тухманова, а потом уверенно прошёлся по ранним альбомам Брайана Адамса, уделив им минут тридцать. Затем я донёс до магаданской аудитории, что, оказывается, ещё в 1970 году у «Дип Пёрпл» вышел очередной новый альбом. Называется он «Ин рок», что в переводе значит... Впрочем, нет сомнений, что люди, пусть даже совсем немного знающие английский, прекрасно понимают, о чём идёт речь. Я нервно подмигнул своему воображаемому продвинутому слушателю и выдал совершенно нелепую «подводку»:

– Для вас, друзья, прозвучит одна из композиций этого альбома, которая так и называется – «Спид кинг». Согласен, по-русски звучит жутковато, но мыто с вами знаем, что СПИД по-английски – AIDS, а «спид» по-английски – это вовсе и не СПИД на самом деле! У этого слова со-о-овсем другое значение.

В тот зимний день после обеда в студии FM-радио пуржило так же, как и на улице.

– А ничё так, нормально! – вынес вердикт Лыткин.

Народ вокруг загудел, заулыбался, хлопал меня по плечам:

– Совсем неплохо.

– Для дебюта – хорошо!

– Да-а-а...

Я отмахивался: «Да, ладно!...», и чувствовал себя прескверно. Психологический стресс ударил по физическому состоянию.

Немного помогла работа над парой рекламных объявлений. Вот это – дело, это – моё! Я приободрился, набросал тексты и сам зачитал их.

– Гениально! – констатировал Лыткин, схватил листочки и убежал в студию давать информацию в эфир.

К пяти вечера мне буквально хотелось лезть на опостылевшие стены. Как же было тесно и душно здесь! Ошалевший, я выскочил в коридор прямо на бегущего куда-то моего новоиспечённого руководителя.

– Саш, я ещё нужен сегодня? – задаю вопрос, стараясь не отставать. Откуда энергия взялась? Влетаем по лестнице.

– Скорее, нет, – перескакивая через ступеньку, ответил руководитель.

– Тогда я пойду? – на мой взгляд, вполне логичный вопрос. Не отстаю, тоже прыгаю по ступеням.

– Как?! – Александр чуть не дотянул до второго этажа, мы застряли на середине пролёта. – У нас рабочий день до шести. Ещё почти час!

– Мне же в кабак ещё, – напомнил я.

– А во сколько вы сегодня начинаете? – Саша знает всю кабацкую кухню, в своё время сам лабал в ресторане.

– Репетиция! – вру, конечно, но ход верный!

– Да?... – Саша посмотрел на часы на руке, на меня, и зачем-то – опять на часы, будто они показали ему время начала репетиции. – Вообще-то, это у нас не принято. Но ты первый день, поэтому...

Лыткин посмотрел вверх по лестнице, вниз – не идёт ли кто, не слышит ли? – махнул рукой и громким шёпотом озвучил своё решение:

– Давай!..

Я и дал!

Ночью спалось плохо. Проснулся в разобранном состоянии, совершенно неотдохнувшим. Еле собрался с силами и вывалился из тёплого уютного дома в промозглую колючую темень.

Кружившая над городом пару дней метель уgomонилась, вывалив на улицы тонны снега. Иду я по нему, а из-под ног после каждого шага хрустит вопрос: «Зачем?.. Зачем? Зачем?!». Работают же люди, думалось мне. Может и я смогу? «Ни фиги!.. Ни фиги! Ни фиги!!!» – бойко обогнал меня проспавший школу первоклашка. И ты туда же, двоечник!

И опять: «Зачем?.. Зачем? Зачем?!». Остановился – тишина, двигаюсь дальше – тот же вопрос!

А вот действительно – зачем?

Денег платят мало, времени уходит много. Как оказалось – непозволительно много!

Самореализация? Да на телевидении сейчас столько проектов, что твори – не хочу! Хотя засамореализуйся!

Доказать себе, что могу так же, как все, – с девяти до шести? А они смогут после этого ещё две телеги тащить?

Любовь к радио? Так и люби себе! Кто мешает? Слушай, сколько влезет, и люби ровно столько же!

«Зачем?.. Зачем? Зачем?!»

Улыбающийся Лыткин встретил меня по-комсомольски задорно:

– Для тебя есть задание!

– Да ну? – почему-то не верилось.

– Нужно составить должностную инструкцию для тебя.

Словосочетание «должностная инструкция» меня вдавило в стул. Интуиция – бывает же такое! – уверенно констатировала: «Это – всё!».

– Вот, – Лыткин положил передо мной документ. – Типовая инструкция. Но тебе надо здесь кое-что дополнить под себя. И ещё нам надо с тобой определиться с графиком работы.

Саша извлёк из папки расчерченный в шахматку листок.

– Вот смотри, что осталось. Смена – четыре часа.

– И всё? – почему я ещё пытался уцепиться за эфир?

– В смысле? – не понял Александр.

– Четыре часа и – свободен?

– Как это – свободен? – наверное, справедливо возмутился руководитель отдела ГТРК «Магадан». – Рабочий день – восемь часов. Этот пункт КЗОТа ещё никто не отменял.

Безобразная аббревиатура КЗОТ меня и добила. Здесь уже интуиция была ни к чему. Вдруг стало так легко, хорошо и, может, от этого – даже немного весело.

Я встал со стула, и чуть было не запел громко и счастливо:

– Всё!

Лыткин говорил горячо, активно жестикулировал, подмигивал и хлопал по плечу. Ещё кто-то из вышестоящего начальства тоже пытался что-то объяснить, улыбался и тоже хлопал, но по другому моему плечу. В отделе кадров посмотрели на меня недоумённо и раздражённо – ему такие деньги положили, а он ещё и носом крутит! Председатель ГТРК Александр Рушев тоже попробовал убеждать, дескать, всё образуется! Но быстро разобравшись, что уговоры в моём случае – ни к чему, он рассказал о своём друге, который сам себе хозяин – от начальства далеко, поэтому и работает, когда надо. Так и трубит вольный друг Рушева всю жизнь где-то на Богом забытом маяке. Зато свободный и потому счастливый.

Мы пожали друг другу руки, и мне показалось, что председатель ГТРК погрузнел. Может, немного позавидовал нашей с его другом вольнице?

Вышел я на улицу – хорошо-то как! Сквозь тучи солнышко пробивается, по расчищенным дорогам машины красивые импортные бегают, люди идут, никуда не торопятся, улыбаются друг другу.

Вот она – жизнь!

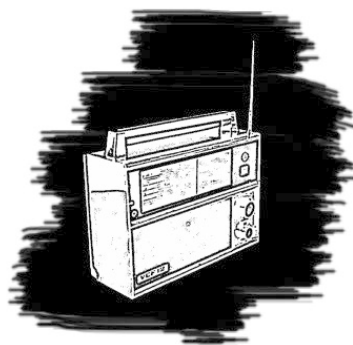
Я вдохнул свежего пьянящего воздуха свободы и пошёл себе. Пошёл делать то, что было нужно мне, а главное – когда нужно.

Р. S. Всё же есть у радио то, чего нет у ТВ!

По телевизору всё понятно, откровенно, никакой загадки. Показывают тебе картинку, значит, так оно и есть, это – данность. Ничего там не изменить, не добавить. А на радио – только голос, который что-то рассказывает нам. Это «что-то» каждый представляет себе по-своему. Сколько слушателей – столько же вариантов последней новости, интересной беседы, увлекательной радиопостановки... Каждый из нас в это время – сам себе режиссёр, оператор, монтажёр картинки, которая рисуется в его голове. Своя, одна-единственная в мире, уникальная картинка!

Мы, слушая эфир, сами того не замечая, начинаем творить.

И всё благодаря радио.

Дарить людям радость...

Команда «Томь» вышла в финал детского всероссийского футбольного турнира. До решающего матча ещё было время, и ребяташки внимательно следили за перипетиями игры за третье место.

– Не дрожат коленки перед финалом? – поинтересовался я у высокого для его одиннадцати лет паренька, на вратарском свитере которого красовалась трафаретка Van der Sar.

– Не-а!.. – мальчишка действительно не волновался.

– Правильно! – от души поддержал я финалиста и продолжил разговор на футбольную тему: – В росте скоро догонишь Ван дер Сара, а по игре?

– Хочу также играть! – улыбнулся парень и, посерьёзнев, добавил: – Даже лучше!

– Молодец!

Будущей звезде мирового футбола и его товарищам по команде захотелось сделать что-то приятное.

Узнав, что домой они летят только завтра вечером, дал им свою визитку – пусть тренер зайдёт перед отъездом и заберёт диск с записью финала.

Кто ещё им такое доброе дело сделает, если не телевизионщики стадиона, на котором и пройдёт матч за первое место?

В дверь монтажной комнаты постучали. На пороге появился невысокий subtilный светловолосый молодой человек в синем тренировочном костюме и со спортивным рюкзаком в правой руке.

– О, томищи пожаловали! – по экипировке нетрудно было догадаться, что это и есть тренер сибирской команды.

– Нам сказали, чтобы мы зашли за диском... – начал было молодой человек.

– Вот подготовили для вас два диска, – я вручил тренеру пару ди-ви-ди. – На одном – финал, на другом – награждение.

И зачем-то спросил, подмигнув:

– Что задержались, наверное, через ларёк бежали к нам?

– Какой ларёк? – не понял гость. – Зачем ларёк?

Здесь бы мне и остановиться, но я широко улыбнулся:

– Ну как... Разве у вас в Томске не благодарят людей, которые вам что-то хорошее сделали?

Молодой человек немного подумал, собрался и серьёзно начал всё сначала:

– Нам вчера сказали, чтобы мы зашли...

– Да это я и сказал! – ещё десять секунд назад у меня было хорошее настроение.

– Да? – не поверил детский тренер.

– Да! – мне захотелось, чтобы визитёр поскорее ушёл.

Видно, это желание было столь велико, что скрыть его было невозможно. Блондин всё понял и, не прощаясь, открыл дверь.

Вот и делай людям добро!

– Молодой человек, вы хотя бы «спасибо» сказали! – возмутился я в спину уходящему.

Парень застрял в дверном проёме, развернулся там со своим рюкзаком и хмуро выдал:

– Я в ларёк!

От неожиданности я растерялся и развёл руками:

– Да ведь это шутка была!.. Шутка такая...

– Плохая шутка! – резюмировал не улыбкавший гость и исчез.

Навсегда.

– Плохо то, что у вас нет чувства юмора! – мой запоздалый спич пришёлся в закрытую дверь.

Настроение испортилось окончательно.

«Вот на фиг я сказал им про запись? Кто меня просил об этом?! – корил я себя. – Получил? И поделом! В следующий раз прежде подумаешь, чем сделаешь!.. Сейчас этот перец придет домой и будет рассказывать своим родным и друзьям, какие всё-таки сволочи эти москвичи! Зажрались, ничего за просто так не сделают. Родные и друзья, конечно, будут цокать языками, согласно кивать головами и вторить ему: “Да-да, это давно всем известно – сволочи!..”».

Накануне «Томь» победила в финале, в котором юный «Ван дер Сар» сыграл надёжно, не пропустив ни одного мяча.

В послематчевом интервью на вопрос корреспондента, почему не видно радости на лице победителя, тренер томичей ответил вопросом:

– А как она должна проявляться, радость?

Потом подумал пару секунд и улыбнулся.

На рельсах

Мы жили в Чистоозёрном, небольшом городке на западе Новосибирской области. Мне было тогда два с половиной года.

В сотне метров от домика, в котором родители снимали комнату, проходила железная дорога. Не какая-то там узкоколейка, а вполне себе серьёзная магистраль Новосибирск – Москва. С интервалом в несколько минут здесь лихо проносились скорые пассажирские поезда с занавесками на окнах и солидно грохотали тяжелогружённые товарняки с масляными пятнами на боках пузатых цистерн.

И вот повадился я ходить на эту самую дорогу.

Причём не стоял рядом да проходящие поезда рассматривал. Нет! Я обстоятельно располагался прямо на полотне, где между рельсов на шпалах устраивал себе игровую площадку. Какие развлечения я себе устраивал, что так влекло меня туда? Не знаю. Только снова и снова тянуло маленького человечка к скоростной магистрали.

Сколько раз мама и наши соседи забирали меня с железнодорожной насыпи! Проводились профилактические беседы, случались телесные наказания, но ничего не помогало. Проходило совсем немного времени после очередной экзекуции, а я уже там, где обычно – на своей любимой игровой площадке, на «железке».

И снова меня тащат оттуда прочь, в очередной раз одновременно потчуя «кнutom и пряником». Я пытаюсь вырваться из сильных рук, совершенно расстроенный, заливаюсь слезами. Ни моего плача, ни вразумлений взрослых совершенно не слышно из-за шума несущегося мимо многотонного состава.

Чем бы закончились мои променады на железную дорогу, если бы вскоре отца не перевели в Новосибирск, и мы не уехали из Чистоозёрного?

Здесь совсем не обязательно обладать даром предвидения.

Подарок

Медиатор, плектр – небольшая пластинка с заостренным углом, посредством которой извлекаются звуки при игре на некоторых струнных и щипковых инструментах, например, гитаре. Звук, извлекаемый при помощи медиатора, гораздо более насыщен обертонами, нежели звук, полученный при помощи пальцев.

Не знаю, как вы, а я, признаюсь, плохо помню, что мне дарили когда-то на дни рождения. И на память вроде бы не жалуюсь! Может, оттого, что дарить подарки люблю намного больше, нежели их получать? Тебя все поздравляют, а ты стесняешься чего-то, тебе становится неловко, что близкие люди были озабочены твоей драгоценной персоной, думали о тебе, потратились, опять же.

Припоминаются мне наборы пластмассовых солдатиков, шахматная доска с россыпью чёрных и белых фигурок, немудрёные игры с фишками и кубиками, книжки какие-то, рубашки...

Но вот один из подарков запечатлён в памяти ярко.

Уже несколько месяцев наше вокально-инструментальное трио – Питенко, Попов и я – лабало на танцах в стареньком клубе на Марчекане – районе рыбного порта Магадана. За это время мы сколотили добротный репертуар из популярных советских шлягеров, нескольких песен «Машины времени» и двух-трёх – больше не разрешали! – вещей «оттуда», с развращённого, загнивающего Запада. Как правило, эти композиции подавались на десерт – под занавес танцевального вечера, и тут же повторялись на бис. Публика заходила в экстазе, выбрасывая немыслимые дикие коленца и мотая в такт длинноволосыми причёсками, выкладывалась в последних танцах до изнеможения. Правильно, чего себя беречь, сейчас отзвучат финальные аккорды, и – по домам!

Без пяти одиннадцать к нашей малюсенькой сценке всегда подходил дежурный милиционерский чин и, строго глядя на нас, скрещивал перед собой руки – всё, мол, шабаш, пацаны!.. В ответ я традиционно показывал ему указательный палец – ещё одна песенка, чин привычно снисходительно кивал: «У вас пять минут!», и оставался следить за порядком рядом со сценой.

У-ух, и отрывались мы в эту пятиминутку! Андрюшка рвал пластик на барабанах, у Попова летели струны на гитаре, у меня ломался очередной самопальный медиатор.

Да и фиг с ним, как и с дяденькой в шинели с красными околышами! Всех в зале накрывало безбрежное счастье – вот они, несколько минут свободы! Хотя бы эти мгновения можно провести почти как «там». Откуда-то появлялась пьянящая голову легкомысленная вседозволенность, и совсем не беда, что не снизошло с ней вдруг и сказочное изобилие...

В те времена отсутствием многих товаров и продуктов в магазинах никого нельзя было удивить. Принималось это как должное – ну нет, так нет! Советский народ был очень скромн и непритязателен. А ещё весьма терпеливы наши люди – они смиренно, из года в год, всю жизнь несли крест многочасовых длиннющих очередей. Взрослые шумно радовались, как дети, когда что-то «выбросили», и им перепало, и расходились ни с чем так тихо, словно умудрённые жизнью старики, философски рассуждая: «Не хватило сегодня, хватит в другой раз!...».

Колбаса, сосиски, апельсины, любая пристойная одежда, обувь... Позже – масло, сахар, водка... Да что там, туалетная бумага была страшным дефицитом!

Всё это «доставалось по блату» или из-под прилавка – за переплату. Модная одежда, приличная обувь, косметика, винилы и прочие излишества водились у «фарцы» за безумные круглые суммы.

Но нигде, ни «по блату», ни у «фарцы» я не мог купить хороших басовых медиаторов! То есть плектров для бас-гитары. В магазине «Мелодия» иногда «выбрасывали» небольшие пластиковые лепестки, но для гитары, а они совсем не подходили для четырёх толстых струн моей гэдээровской «Музимы».

Приходилось проявлять смекалку и самому изобретать необходимый в работе аксессуар. Из чего только я не делал эти медиаторы!

Вырезал из пластмассовых мыльниц, напильником и наждачной бумагой приводил изделие в более или менее удобоваримый вид. Пробовал делать их из плотных кусков кожи, потом приспособливал под плектр какие-то металлические предметы, величиной с пятак. При этом варианте быстро изнашивались струны, да и гитара звучала далеко не так, как тогда было принято.

Казалось бы – какой-то кусочек пластмассы, а вот ведь – тоже дефицит!

Первая пара начиналась в восемь тридцать.

Попов буднично, безо всяких сантиментов – а чему радоваться в такую рань?! – коротко бросил:

– С днём рождения!

Тут же полез в карман своей джинсовой куртки:

– Вот, подарочек тебе!..

Олег зажал в пальцах медиатор. Фирменный! Зелёненький, перламутровый, треугольный, с дырочкой посерединке. А главное – он был жёсткий, то есть именно то, что нужно! Это был басовый плектр!

За окном быстро рассвело, облака моментально разбежались в стороны, и на серый январский город с неба брызнуло весеннее жизнерадостное солнце.

Я не верил своему счастью:

– Олег, откуда?!..

Олег, чуть повеселев, подмигнул: «Места знать надо!», и под аккомпанемент звонка, не торопясь, отправился в поход за знаниями.

Надо ли говорить, что в этот день я не выпускал медиатор из рук. Я показывал его всем – студентам и педагогам, на уроках внимательно рассматривал подарок, пробовал на зуб и зачем-то нюхал его. Мне казалось, что нет более замечательного запаха на свете, чем этот запах пластмассы.

А вечером хотелось репетировать и репетировать – в пальцах правой руки вместо самопального уродца как влитой лежал фирменный басовый плектр!

Помнится, судьба у того медиатора сложилась долгая и счастливая – несколько месяцев он радовал меня своим качеством.

Действительно, много ли надо человеку для счастья?

Снова на рельсах

Среди множества детских забав и развлечений была у нас игра, название которой забылось, но помнится, напоминала она собой всем известные «бабки». Правила мы чуть изменили и – вперёд, к повышению мастерства, к новым победам!

Следствие этих побед – твой авторитет среди пацанов во дворе и всей округе поднимался на более высокий уровень. У нас, старших – Олега Кузнецова, Лёшки Котельникова и меня, этот уровень и так был выше некуда. Однако же игра эта, непонятно кем импортированная во двор дома 13 на улице Невельского, заразила буквально всех. В том числе и самых-самых. Ведь они тоже были просто мальчишки.

Вместо бабок мы использовали небольшие металлические заготовки. То ли гайки какие-то недоделанные, то ли шайбы. С ростом популярности игры эти гайки-шайбы стали самой ходовой валютой в нашей компании. Их можно было обменять на перочинный ножик, на футбольные марки и даже на нежёваную жвачку! В то лето у нас человека встречали по его карманам. Чем больше они оттопыривались, тем весомее у него было положение в обществе. А так как сам металл тоже что-то весил, то и походка его обладателя становилась степенной, более солидной, вполне соответствуя статусу уважаемого человека. В борьбе с усилившимся земным притяжением он старался держать спину ровно, расправлял плечи и поднимал голову. Так и несли себя местные богачи – гордо и величаво.

На заре игровой лихорадки этих самых деталек было в избытке на железнодорожных путях станции Новосибирск-Западный. Затем с каждым днём их становилось всё меньше и меньше. Небольшими компаниями по два-три человека мы отправлялись в недалёкий путь на свой Клондайк за очередной партией новой «валюты». Бродили по шпалам, наклонив головы, и пристально всматривались в межрельсовое пространство. Как же мы старались не упустить этот драгоценный металл среди россыпи щебёнки и пятен мазута! Идёшь, не попадаете тебе ничего, а рядышком, на соседнем полотне, то и дело:

– О!

– Вот она!..

– Есть!

– Ещё одна!..

А у тебя – пусто!

После очередного приступа радости у более удачливого соседа, не выдерживают нервы:

– Чё орёшь?!

Белёсые ресницы счастливого соискателя удивлённо и чуть испуганно моргают – хлоп-хлоп:

– Нашёл...

– Ну и чё орать-то теперь?! Нашёл он... Золото, что ли нашёл, чтобы так орать?!

И снова – взгляд вниз, и по шпалам! Боковое зрение как нарочно отчётливо передаёт информацию о новых находках компаньона. Внезапно обострившийся слух в деталях доносит тщательно скрываемые приливы откровенной радости. А у тебя...

Всё, дальше так продолжаться не может!

– Меняемся! Ты идёшь здесь, а я там пройдуся.

– Это почему?

Ответ краток и аргументирован:

– По кочану!

Обмен дорогами проходит молча. Идём дальше. И здесь что-то нет ничего... А рядом, на пути, с которого ты только ушёл, фигурка наклоняется и тихонько, но явно радуясь очередной удаче, выдает нараспев:

– Ни-и-штя-я-як!
Ну почему так?!

День стоял пасмурный.

Все пацаны разъехались кто куда. Интересно, куда можно вообще в такую погоду ездить?! Не покупаться тебе, не позагорать.

Вышел я во двор, а там сидит на скамеечке один только Димка Вожжов. Ну да, ведь всем срочно приспичило куда-то ехать! И Кузе, и Лёше Котелку...

Делать нечего, поплелись мы на золотые россыпи вдвоём с Вожжовым.

Димка был на два года младше нас с Котельниковым, то есть было ему тогда лет десять. В нашей компании он слыл маменькиным сынком. Дима Вожжов был мальчик тихий, благообразный, матом не ругался, не курил. Сальные анекдоты ему приходилось слушать «за компанию». Давалось это парню мучительно, а в финалах коротких неприличных историй он отворачивался в сторону и краснел. В нашем кругу Димка вращался редко, и почти всегда – под присмотром матери или старшей сестры. Семья Вожжовых жила в нашем с Лёшкой подъезде, в шестьдесят первой квартире, на первом этаже. Окна выходили прямо во двор, а в них частенько торчали головы родственников Димона.

Походили мы по шпалам с этим, как бы его сейчас называли, ботаником, искали свои легко конвертируемые гайки-шайбы, и со скудной добычей уныло побрели домой. Сзади громко и высоко загудел тепловоз. Усатый машинист, крупный такой дядя, высунувшись из кабины, кричал, явно ругаясь, и грозя кому-то кулаком. Развернувшись по ходу своего движения, мы никого не увидели и, следуя нехитрой логике, догадались – всё негодование бравого железнодорожника адресовано нам. Что такое, почему? Кто разберёт, да и когда разбирать уже? Тепловоз приостановил ход, и грозный дядя взялся за поручни лестницы.

Мозг сработал быстро и дал команду ногам – ходу! В голове с открытым ртом у Вожжова ещё пару секунд выстраивалась цепочка – сейчас машинист спускается по лесенке, а что будет потом? Мне же стало понятно сразу – потом может быть всё что угодно, только ничего хорошего для нас! Взяв с места в карьер, я обернулся к товарищу, и лаконично подвёл итог своим умозаключениям:

– Бежим!..

И добавил ещё, чтобы парень соображал быстрее.

Поддействовало! Димка захлопнул рот, и ничуть не краснея от моего мата, скоренько пропустил за мной. Так и бежали мы с ним, синхронно подпрыгивая, словно молодые сайгаки, преодолевая многочисленные рельсы железнодорожного разъезда.

Оставалось всего два пути, по которым ходили пассажирские и товарные поезда. Я коротко бросил взгляд направо. Наперерез нам летел «Сибиряк», фирменный поезд Новосибирск – Москва, возвращающийся сейчас из столицы домой. Вот тут бы нам остановиться, перевести дух, оглянуться. Но там же...

Эх ты, дядя!

Быстро проскочив оба пути, я скатился с насыпи и по инерции пробежал ещё несколько метров. Счастливый оттого, что мы таки сделали усатого, нервно улыбаясь, обернулся назад. Идиотская улыбка приклеилась сургучом к лицу.

Димка споткнулся и растянулся словно на заказ, как прилежный самоубийца. Ступни его ног лежали на дальней от меня рельсе, а кисти рук и плачущая голова – на ближней.

«Сибиряк» уже миновал железнодорожный переезд, и гудел, не переставая. Расстояние между летящей многотонной глыбой железа и тщедушным беспомощным человеческим телом сокращалось стремительно.

Страх сковал все мои мышцы, я просто стоял и тупо смотрел на Димку. На его лице застыла маска боли и ужаса.

Срывающийся на хрип гудок локомотива и грохот приближающегося состава вдруг ворвались в моё сознание и вывели из оцепенения.

В несколько прыжков я оказался у насыпи, взлетел на неё, и, стараясь не смотреть на приближающуюся махину, схватил парня за шиворот и штаны. Рванул в сторону от дороги с такой силой, что мы сразу полетели с насыпи вниз. Тут же мимо пролетел завывающий электровоз, а на том месте, где только что лежал Димон, гремели многопудовые колёса скорого поезда.

К вечеру распогодилось, на улице посветлело, потеплело.

Приехали Олег с Лёшкой, которых родители возили по магазинам, одевали-обували своих сыновей к новому учебному году, подтянулась остальная мелкая шпана.

Мы сидели на лавочке у пятого подъезда, в котором жили мы с Котельниковым и Вожжов. Пацаны делились перипетиями прожитого дня. Я уже вполне пришёл в себя и тоже поведал друзьям о дневном происшествии. Чтобы история получилась, пришлось некоторые нюансы утрировать, преподносить их в иных, более весёлых тонах. Но никто почему-то не улыбался. Все слушали меня серьёзно, в финале единодушно выдохнув:

– Ни фиги себе!

Тут вышел из дома и Димка Вожжов. Чистенький, причёсанный, опрятный. В руке Дима держал бутерброд с добрым слоем масла и смородиновым вареньем сверху.

Мальчишки есть мальчишки, даже если они только из-за стола, всё равно попросят:

– Дай откусить!

– Ну дай хоть попробовать...

В оконном проёме первого этажа появилась всевидящая и всёслышащая голова Вожжовой-мамы. Ребятишки, как по команде, замолчали и отвернулись, стараясь не смотреть на жующего Диму. Только голова исчезла в глубине кухни, Витька Черных, махнув рукой в мою сторону, в сердцах выдал:

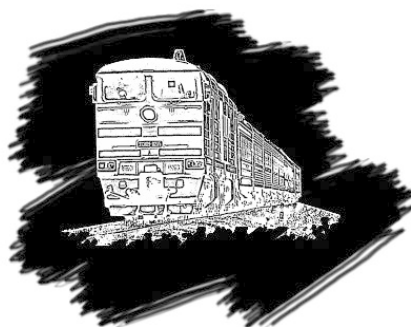
– Ты бы хоть с ним поделился. Он ведь тебе сегодня жизнь спас!

Вожжов перестал жевать и уставился на меня, прикидывая что-то там в своей голове. А мне вдруг стало так стыдно, будто это и не Черных, а я сам так сказал! Ну какая, в самом деле, может быть связь между тем, что произошло днём, и вот этим банальным бутербродом?!

От волнения я подскочил с лавочки, и с трудом подбирая слова, почти прокричал:

– Пацаны, да вы чё?! При чём здесь это?.. И не хочу я ничё... Не буду я!

Димка посмотрел на меня благодарно, улыбнулся и доел бутерброд.

Комсомол ответил: «Есть!»

Ранним летним утром шёл я по Омсукчану и радовался. Ведь на работу шёл, а всё равно мне радостно было! Тишина вокруг, воздух чистый, солнышко пригревает, сопки вокруг зеленеют. И я иду – молодой, полный энергии, в костюмчике наглаженном, рубашке беленькой, при галстуке.

Хорошо, и всё тут!

У секретаря парткома Дукатского горно-обогатительного комбината имени 60-летия Союза ССР Юрия Николаевича Ярыгина настроение в то утро было совсем другое. Не радовали его ни греющие лучи солнца, ни изумрудный бархат сопки. Накануне в райкоме партии с Юрия Николаевича спросили строго, вот и далеки сейчас были от него простые человеческие радости.

Меня – комсомольского вожака Дукатского ГОКа, партайгеноссе встретил сухо и деловито. Неплохо зная Ярыгина, я понял – ничего хорошего сегодня можно не ждать.

Набрасывая что-то в ежедневник, секретарь парткома строго, без сантиментов, спросил: – Как у нас ведётся работа с резервом?

Ах, вот оно в чём дело! Теперь всё понятно, Юрий Николаевич!

Я отчётливо представил, как он, невысокий, худенький, лысенький, стоит на ковре перед райкомовской парткомиссией. Бездушные, чёрствые аппаратчики жёстко спрашивают с него, а Ярыгин, краснея, словно школьнику доски, пытается что-то отвечать, но получается не очень...

Где-то в глубине души грустно тренькнула сентиментальная струна, и мне даже стало немного жалко своего старшего товарища.

– Да нормально ведётся, – мягко ответил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.